

ДВЕ КНИГИ О ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ЭПОСЕ

М. М. Плисецкий. *Историзм русских былин*. Гос. изд-во «Высшая школа». М., 1962, 340 стр.; М. М. Плисецкий. *Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса*. Изд-во АН СССР. М., 1963, 447 стр.

Рецензируемые исследования ценны тем, что автор их подходит к эпосу восточных славян как к достоверному историческому источнику, требуя доверия к народной памяти, но учитывая в то же время закономерности, согласно которым историческая действительность преломляется в устном народном творчестве. В настоящее время, когда проблема историзма былин и времени их сложения вновь горячо дебатруется, привлекает внимание твердая позиция автора, относящего эпоху их сложения к домонгольской Руси.

Комплексное изучение культуры древней Руси (привлечение исторических письменных источников, данных археологии, лингвистики, исторической географии и др.) делает многие выводы автора весьма обоснованными (например, исследования легенды о Михайлике и Золотых воротах в Киеве, о Малом Нижнем Галиче — придунайской родине Дюка в былине о нем). М. М. Плисецкий справедливо считает, что фольклористика должна занять подобающее место среди наук, изучающих историю страны, а для этого необходима выработка фольклористами своего метода и накопление конкретных выводов в этой области. «Наша фольклористика должна оказывать всемерное содействие, — пишет Плисецкий в первой книге, — советской исторической науке... Ведь специальное исследование конкретной былины историком, как правило, должно сочетаться с анализом ее методами фольклористики», а не ограничиваться «простым сближением ее образов с различными историческими документами» (стр. 5).

Автор выдвигает ряд кардинальных фольклористических проблем истории эпоса: условия многовекового устного бытования произведения и степень его устойчивости; поэтика «как средство исторического приурочения эпических произведений»; причины расцвета эпоса в период развития государственности, и др. (стр. 8). Возражая сторонникам «теории радикальной переделки былинного эпоса в XVI в. и тем более теории его позднего возникновения», он подчеркивает, что эти теории «сыграли, можно сказать, роковую роль, ... дискредитируя былины как исторический источник» (стр. 112). В другом месте книги, разбивая аргументы противников в пользу того, что образ централизованного государства в былинах якобы мог сложиться только в XV—XVI вв., Плисецкий доказывает, что «единая Русь существовала в X—XI вв. с центром в Киеве», и это не могло не отразиться в поэзии того времени (стр. 92).

Во второй книге Плисецкий настаивает на том, что «для выяснения времени происхождения былины большой интерес представляют всегда элементы более ранние» (стр. 220), а проникновение новых, конечно, естественно, но обычно не изменяет существенно ни идейной, ни сюжетной основы произведения. «Стилевое единство» произведения определенного эпического жанра, — пишет он в первой книге, — препятствует слиянию эпосов различных исторических периодов: «Певцы былин до нашего времени заставляют своих героев стрелять из луков, ... ездить в Киев, Новгород, Чернигов, Галич, а не стрелять из ружей, приезжать в Астрахань и Самару, как это отлично делают герои исторических песен других эпох» (стр. 164); в другом месте книги он замечает, что дружинники в былинах не вытеснены стрельцами, а бояре — дворянами (стр. 202). Автор анализирует также географические наименования, доказывая, что в былинах вошли более или менее прочно только города, возникшие не позже XIV в. и игравшие роль «в истории страны» в ту эпоху; нельзя найти, пишет он, «ни одного по-настоящему вкоренившегося в былевой эпос позднего географического названия» (стр. 191).

М. М. Плисецкий прослеживает взаимосвязи русских и украинских эпических жанров (считая наиболее древним из них величальные песни «славы» типа колядок), сближая их сюжетно и по художественным приемам, в ряде случаев очень свежо и тщательно.

Таким образом, достоинства рецензируемых книг несомненны. И тем более следует остановиться на том, что так или иначе нарушает стройность изложения и мешает убедительности.

Едва ли целесообразно было издавать двумя книгами фундаментальную монографию автора. Издательская практика жесткого лимитирования объема книги приводит зачастую к искусственному расчленению рукописи, из которой берется для публикации только часть, к неслаженности композиции, урезыванию аргументации, не говоря уже о множестве недомолвок, вызванных купюрами. В конечном же итоге экономии листа нет, так как оставшаяся за бортом часть рукописи все же печатается в другом месте, а чтобы как-то сохранить при этом связность изложения, неизбежны повторения¹.

¹ Так же разорвано очень полезное исследование Я. Р. Кошелева, посвященное истории фольклора и фольклористики Сибири. См.: «Русская фольклористика Сибири XIX — начала XX в.», Изд-во Томск. ун-та, 1962; «Вопросы русского фольклора Сибири», Изд-во Томск. ун-та, 1963.

Все это сказывается и на рецензируемых книгах. Сам автор в книге «Историзм русских былин» сообщает: «Приводимые здесь (в одной из ведущих по конкретному материалу глав.— Р. Л.) соображения являются лишь предварительной публикацией» (стр. 232), а в книге «Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса» пишет о своих теоретических выводах: «Здесь мы кратко излагаем основные аргументы, которые подробно рассматриваются в нашей книге „Историзм русских былин“. М., 1962» (стр. 381). Что дают читателю эти отсылки?

Экономия объема могла бы быть достигнута в значительной мере за счет рыхлости композиции и ненужных повторений. Так, глава девятая второй книги не только повторяет девятую же главу первой книги, но и различные места других глав книги «Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса».

Возможно, что именно вследствие беглости историографии (как правило, автор указывает всех своих предшественников по исследованию той или иной проблемы или определенной былины) иногда не вполне ясно, принадлежит ли приоритет в данном случае автору или другим ученым. Например, былина о Глебе Володьевиче была не только записана впервые, но и интерпретирована А. В. Марковым, но автор ссылается только на номер записи этой былины в сборнике «Беломорские былины»; особенности передачи посольских речей в древней Руси были, как известно, уже выявлены Д. Н. Лихачевым, но об этом не сказано своевременно в первой книге; общеизвестны переосмысления термина «дети боярские» в былинах; рассматривался в социальном аспекте и эпический спор о том, что дороже — булат или золото; было обращено внимание на историческое соотношение городов Киева и Чернигова и многое другое. При такой небрежности ссылок в отдельных случаях теряется то немалое, что внесено в интерпретацию былин самим автором.

М. М. Плисецкий придает большое значение взаимосвязям не только сюжетов, но и поэтики русского и украинского фольклора, настаивая на том, что принадлежность тех или иных фольклорных произведений периоду Киевской Руси подтверждается их лексикой, «эпическими местами», постоянными эпитетами. Однако примеры эпитетов в разных местах его книг подобраны не всегда удачно; так, на стр. 153 к эпитетам «из области зрительных» и «осознательных ощущений» отнесены «пиво пьяное», «дружина хоробрая», «поганый (враг)» и др., а на стр. 161 из двадцати эпитетов якобы с преобладанием «моральных оценок» лишь пять могут быть условно отнесены к ним — «бездолюный казак», «родина сердешна» и пр., причем в книге о былинах примеры взяты из дум.

Автор проводит сравнительный анализ русских былин с украинскими балладами (типа былины-баллады о похождениях Чурилы) и колядками (о богатстве молодца, близкими к аналогичному мотиву былины о Дюке), сравнивает украинскую думу об Олексии-грешнике на корабле с сюжетом Садко и т. д. Многие из этих сопоставлений убедительны. Не стоило только пополнять их число спорными; так, из простой обмолвки или опiski в украинском тексте игровой песни о том, что коней ловят «неводом» (а не «поводом» как в русском варианте, приведенном на той же стр. 26 книги «Взаимосвязи...»), Плисецкий делает заключение, что речь идет о «ловитве» диких коней «перевесищами», и сближает это с былиной об Иване Гостином сыне. К тому же «перевесища» — это уголья, где ставили орудия лова — «перевесы», и преимущественно на птиц.

В конкретных исторических этюдах автора много ценного (например, в анализе былины о Чуриле), но ряд положений недостаточно аргументирован. Так, автор пишет в первой книге о наличии в русском эпосе «патриархальных черт» (стр. 208); между тем X век, к которому автор относит былины, — конечно, уже эпоха раннего феодализма, и вернее было бы говорить о пережитках в эпосе институтов военной демократии. Противоречивость образа слабого сюзерена, во многом зависящего от своей дружины и нередко осуждаемого ею, характерна для зари феодализма, и потому нельзя принять мысль автора о якобы положительном первоначально образе князя Владимира (там же, стр. 39).

Соглашаясь с М. М. Плисеckим в том, что возросшая потребность фиксации истории в X—XII вв. вызвала расцвет летописания и героического эпоса, трудно все же признать возможным сложение отдельных произведений песенных фольклорных жанров «специально для информации» (стр. 141 первой книги).

Дюк, Чурило и Ставер названы в первой книге «богатырями богатыми», однако в полноценных вариантах они вообще не богатыри, и богатство не свойственно образу русских воителей. Симпатии к Дюку сказителей (а так ли это в отношении к чванливому гостю Киева?) объясняются автором тем, что имеется «объективная польза его деятельности для народных масс» (стр. 37—38). Но что это за «деятельность» и в чем ее польза? «Уланы» в былинах — едва ли «мелкое дворянство» у татар (стр. 186), этот термин встречается в текстах обычно в синонимической паре («панове-уланове», т. е. речь идет, вернее всего, о польских уланах, знакомых русским по войнам XVII в.

М. М. Плисецкий настаивает на «обзоре всех известных вариантов» (стр. 6), однако сам иногда делает догадки на основании единственного варианта, особенно — в отношении имен и названий во второй книге: отчество «Станиславович», встреченное в одном варианте, — якобы доказательство западноукраинского происхождения Чурилы

(стр. 157); «Карпов сын» в украинском тексте — будто бы изменение «Казарина», и этим автор пытается укрепить аналогию между двумя несхожими сюжетами (стр. 47); с островом Буяном идентифицируется «пустыня Боиорская» (стр. 69), тогда как слово «буян» в древнерусском языке и диалекта означает холм, т. е. «Буян-остров» — холмистый остров.

Тщательно построенная система доказательств того, что в былине о Василии Игнатьевиче и легенде о Михайлике речь идет о захвате Киева Болеславом I, в конце главы вдруг зачеркивается самим же автором, предлагающим вторую гипотезу, несравненно слабее аргументированную, в которой речь идет уже не о Болеславе I, а о Болеславе II. Непонятно, что за «саркастические намеки» видит автор в скорбном зачине этой былины (или самостоятельном произведении?) — о турах и турице.

Географическим наименованиям автор посвящает специальную главу в первой книге и методологически плодотворно ими оперирует в обеих книгах (например, о старинных русских городах в былинах, о возможном пути Дюка из придунайского Галича, о маршруте казаков в думе, пробирающихся низовыми речками к морю, и пр.). Все это явно нуждается в картографировании, а карт в этих изданиях не дано.

Некоторые натяжки допущены и в области географии. Озеро «Ладожское» в зачине былины как раз не может говорить о древности географических названий в былинах, так как исконное его название — Нево. Прибавка слов «река» или «град» к тому или иному названию вызвана не стремлением сказителей к точному приурочению былинных сюжетов, а представляет обычную для древнерусского языка форму составного географического названия.

Автор полностью игнорирует возможность поздних книжных влияний на эпос, в особенности — печатных текстов былин. Это приводит его иногда к необоснованным выводам. Нельзя же всерьез говорить о «текстуальном сходстве» «новой пудожской записи» со сборником Кириши Данилова для доказательства устойчивости вариантов былин, так как «между этими двумя записями прошло приблизительно 170—190 лет» (в книге «Историзм русских былин», стр. 124). Ведь в этом же позднем сборнике «Былины Пудожского края» помещена записанная от грамотной сказительницы Пашковой былина, в которую ею вставлен целый кусок баллады А. К. Толстого об Илье Муромце («Под броней с простым набором...»). Кроме того, именно былины Кириши Данилова многократно перепечатывались и в школьной и лубочной литературе и в популярных сборниках.

Игнорирует автор и возможность заимствований в эпосе, а это ведет к представлению о такой изоляции древней Руси от остального мира, которая совершенно немислива при ее обширных международных связях.

М. М. Плисецкий лишь мельком и попутно делает бытовые сопоставления (детали древнерусской архитектуры, оружия и пр.) и даже оговаривает в первой книге, что не будет останавливаться на бытовых данных. Но ведь успехи археологии позволяют — именно в плане историзма — многое объяснить в эпосе заново в этой области и подтвердить отдельные предположения, казавшиеся спорными, а от других отказаться. Впрочем, это особая тема исследования, а автор не может быть всеобъемлющим.

Во второй книге М. М. Плисецкий прослеживает черты сходства русского и украинского фольклора, которые он считает не типологическими, а большей частью генетическими и контактными (стр. 421) не только в традиционных жанрах, но и в более поздних: солдатских, рабочих песнях, а также в песнях гражданской и Великой Отечественной войн, — и их беглым рассмотрением и заканчивает основную часть книги.

Все указанные недочеты не компрометируют исторического метода, применяемого автором, а объясняются скорее его стремлением убедить читателя в историзме эпоса возможно большим количеством доказательств.

Р. Липец

Народная баллада. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Д. М. Базилова. Общая редакция А. М. Астаховой, Л., 1963, 447 стр.

Русская народная баллада долго была одним из наименее исследованных жанров русского фольклора. Когда в 1936 г. «Библиотека поэта» выпустила в Большой серии том, посвященный русской балладе, даже такой опытный фольклорист, как проф. Н. П. Андреев, смог дать во вступительной статье лишь негативное определение этого жанра. «Баллады, — писал он, — это песни с четко выраженным повествовательным содержанием (т. е. эпические), отличающиеся от былин, исторических песен и духовных стихов отсутствием характерных для этих видов специфических особенностей»¹.

¹ «Русская баллада». Предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева. Вступительная статья Н. П. Андреева. Л., 1936, стр. XVII.